

Е. В. Бородина
СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В СУДЕБНЫХ КОНФЛИКТАХ (1720-е гг.)*

История служилого сословия и бюрократии России является одной из благодатных тем для ученого. Сегодня активно исследуется повседневная жизнь российского дворянства, его культура и быт, анализируются служебные карьеры наиболее ярких и значимых представителей власти предрежущей.¹ Общий обзор современной исторической литературы позволяет заметить, что наиболее устойчивый интерес исследователи проявляют к изучению дворянских корпораций второй половины XVIII–XIX вв. Провинциальное дворянство XVII в. только начинает интересовать историков, а корпорации служилых людей первой четверти XVIII в. рассматриваются или лишь под определенным углом зрения: основное внимание уделяется либо тенденциям их развития, либо наиболее выдающимся лицам этого времени.

¹ См., например: Акишин М. О. Долгоруков Михаил Владимирович, князь (1667–1750) // *Власть в Сибири: XVI — начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 522–525; Он же. Черкасский Алексей Михайлович, князь (1684–1742) // Власть в Сибири. С. 519–522; Андреева Е. А. А. Д. Меньшиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005: материалы науч. конф. СПб., 2005. С. 15–31; Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Пг., 1918; Коллман Н. Ш. Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; Короткова М. В. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII — первой половины XIX века. М., 2010; Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004; Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010; Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. Новосибирск, 1992; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XIX вв.): в 2 т. СПб., 1999; Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010; Никитин Н. И. Служилые люди Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1987; Писарькова Л. Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // *Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–43; Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. От Петра до Екатерины II (1697–1761): сб. отрывков и записок, воспоминаний и писем. М., 2010; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974; Щербаков С. Н. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — государственный деятель России 20-х — начала 80-х гг. XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 и др.**

Бородина Елена Васильевна — к.и.н., доцент кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств УрФУ (г. Екатеринбург)
 E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ ГК 02.740.11.0578

Последнему историческому периоду следует уделить особое внимание, так как преобразования Петра I тесно связаны с модификацией социальной политики Российского государства. Социальные реформы внесли существенные коррективы в положение российского служилого сословия, а также дьяков и подьячих, утвердивших свои позиции в течение XVII в.

Активное реформирование государственного аппарата управления и снижение значимости военной службы толкали бывших бояр и представителей дворянства к выбору гражданской карьеры. Введение указа о единонаследии 1714 г. и Табели о рангах 1722 г. также способствовало этому процессу.

В основу механизма продвижения по карьерной лестнице был положен принцип личной выслуги. Это приводило к тому, что дворянину предписывалось начинать службу с должности секретаря, а бывший дьяк или подьячий мог добраться до более высокого чина и получить сначала личное, а затем и потомственное дворянство.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. усиливаются начавшиеся еще в предыдущем столетии процессы трансформации служилого сословия. В связи с изменением системы «пожалований» некоторые представители из числа провинциальных дворян и детей боярских оказались среди податного населения страны. Вне зависимости от родовитости, всем служилым «по отечеству» пришлось приспособиться к новым условиям. Они, наряду с дьяками и подьячими, стали основой для формирования имперской бюрократии.

На наш взгляд, для лучшего понимания статуса новой социальной группы в первой четверти XVIII в. следует обратиться к рассмотрению и судебной реформы 1717–1727 гг., проходившей параллельно реализации второй областной реформы 1719–1727 гг.²

² Периодизация реформ дается по: Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция: 1719–1727 гг. М., 1902; Серов Д. О. Сколько было судебных реформ в России (опыт историко-правового анализа) // *Россия как цивилизация. Новосибирск, 2008. С. 197–236; Бородина Е. В. Судебная реформа 1719–1727 гг. на Урале: формирование ведомств и полномочий // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. Вып. 13. 2007. № 49. С. 56–71.**

В соответствии с судебной реформой 1717–1727 гг. в стране создавались новые судебные учреждения, формально отделенные от уездной и губернской администрации. Был изменен и порядок прохождения дел по инстанциям. Довольно традиционный для второй половины XVII в. суд царя становится исключением из правил — судом высшей инстанции. Служащие коллегий и подчиненных им ведомств переходят под суд этих центральных учреждений. Что же происходит с подсудностью дворян и детей боярских на местах? Рассмотрим степень их вовлеченности в судебную практику 1720-х гг. на примере Урала и Западной Сибири.

В первую очередь обратимся к определению термина «служилые люди». В статье под служилыми людьми понимаются все, находящиеся на государственной службе (военной или административной). Традиционно принято подразделять служилых людей на служилых «по отечеству» (представители привилегированного сословия, имевшего права владения землей и крестьянами) и служилых «по прибору» (получавших за службу разнообразные пожалования). Для Урала и Сибири данная классификация условна. Служилых людей здесь можно подразделить по объему имевшихся у них властных полномочий на две группы — на дворян и детей боярских и на пеших и конных казаков.

В отличие от страны в целом, в Сибирской губернии в течение всего XVIII в. сохраняется пожалование традиционными служилыми чинами. Это было обусловлено региональными особенностями. Необходимость постоянного контроля над местным населением и защиты территории требовала присутствия казачьего войска, которое составляли пешие и конные казаки. Кроме того, на территории Сибири еще в конце XVII в. появляется иррегулярный драгунский полк, источником формирования которого также были казаки.³

В середине 1720-х гг. эти воинские соединения начинают уступать место трем гарнизонным солдатским полкам, размещившимся в Сибирской губернии на основе «Плаката о подушном сборе» 1724 г.⁴ Помимо чисто военных

обязанностей, сибирские служилые «по прибору» были загружены разнообразными «посылками». Их выполнение порой вынуждало казаков покидать места постоянной службы.⁵

Количество родовитых служилых «по отечеству» на Урале и в Западной Сибири было невелико. Число сибирских дворян и детей боярских регламентировалось. Обычно они не занимали таких высоких постов, как воеводский, так как были слишком худородны. Пиком карьеры для детей боярских было вхождение в корпус командующих — атаманов, голов и сотников.⁶

Несмотря на это, в течение XVII в. сибирские служилые все чаще пополняют ряды местных администраторов.⁷ Ряд исследователей, специализирующихся на истории Сибири XVII в., обратили внимание на некоторую замкнутость корпорации сибирских администраторов, чему очень способствовали региональные условия. Е. В. Вершинин, например, объяснил это соображениями экономии: проезд административных лиц из центра к месту службы осуществлялся за казенный счет и сопровождался выдачей денег на подъем. Знание местных условий и опыт работы также способствовали формированию кадров местного управления.⁸

Еще одной особенностью корпорации сибирских служилых являлся ее пестрый социальный состав, сформировавшийся в ходе взаимодействия различных элементов полиэтничной среды региона. А. А. Люцидарская отметила, что ряды государевых служилых людей — сибирских детей боярских и казаков — пополнялись не только естественным путем, но и за счет «иноземцев», несших в большинстве своем военную, а административную службу.⁹ На государственной службе очень часто оказывались и представители коренных народов региона. Так, в течение всего XVII в. формировалась группа

⁵ См.: Никитин Н. И. Служилые люди Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29.

⁶ См.: Никитин Н. И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. №1: <http://annals.xlegio.ru/rus/kazak/sibkaz.htm>.

⁷ См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление Сибири. (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 37–41.

⁸ См.: Бахрушин С. В. Воевода Тобольского разряда в XVII веке // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 254, 255; Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 26–37.

⁹ Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 59, 60. О характере службы «иноземцев» в XVII в. см. также: Соколовский И. Р. Служилые иноземцы в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. С. 115–125.

³ См.: Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 198–199.

⁴ См.: Дмитриев А. В. Офицеры русской армии на сибирской службе в 30-х гг. XVIII в. (По материалам Якутского пехотного полка) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов II регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 118.

сибирских служилых татар, имевших исключительно военные обязанности,¹⁰ а новокрещенные инородцы становились переводчиками-толмачами.¹¹

Как отмечают многие исследователи Сибири, первые города и остроги здесь были построены именно служилыми людьми.¹² В большинстве районов они оказывались первыми русскими земледельцами и ремесленниками, а в некоторых городах оставались ими и к началу проведения реформ Петра Великого. Строгого разграничения занятий между служилым и неслужилым населением долгое время не наблюдалось.¹³ В Тюмени, например, ремесло для большинства жителей являлось лишь занятием, дополнительным к хлебопашеству.¹⁴

Многие служилые Сибирской губернии на протяжении своей жизни изменяли свой социальный статус, либо это удавалось сделать их детям. Характерна судьба, например, тюменского полковника Д. Угрюмова, описанная в одной из его «сказок» в мае 1719 г. «В прошлых годах отец мой пожалован по Верхотурью в дети боярские, а после отца своего в прошлом 1677 году пожалован по Тобольску в дети боярские. Годового жалования денег 6 рублей, хлеба 6 четвертей, 2 пуда соли и служил всякие службы и степные посылки и береговые службы, да в прошлом 1697 году послан был в Китайской острог на заставу и на той Каменской заставе подстрелили из лука в правой бок и от той их стрельной раны скорбел годы два и больше <...> Да в 1712 году губернатор князь Матвей Петрович Гагарин за мою службу и за взятие языка определил меня в полковники на Тюмени к конным и пешим казакам и татарам, а оклад мне определил 34 рубли, хлеба 18 юфтей, соли двадцать пуд, да вместо погребного питья на господские праздники и на царской ангел 6 ведр вина».¹⁵

Пешие и конные казаки, дети боярские — все они находились в тесных родственных связях, имели личные взаимоотношения.¹⁶ М. М. Громыко отмечает, что рядовой казак за его «хорошие поступки» мог быть произведен в сыны боярские, а из них — в дворяне, не получая при этом никакого чина и преимущества на потомственное дворянство. Вопреки мнению Г. В. Вернадского, и в XVIII в. продолжается «верстание» «лиц низшей группы» (казаков) в «высшую» (дворян и детей боярских).¹⁷ Несмотря на то что новое назначение формально считалось высшим чином иррегулярных войск, фактически оно являлось переводом на преимущественно гражданскую службу. Как установил М. О. Акишин, в 1720-е гг. в руководящем составе Сибирской губернии увеличивается количество местных служилых людей.¹⁸

Таким образом, так как служилые люди Сибирской губернии (1708 г.) представляли собой пеструю картину, наряду с собственно дворянами и сибирскими детьми боярскими в поле зрения автора попали конные и пешие казаки. Обратимся к анализу отобранных данных.

Судебно-следственная документация и делопроизводство судебных и земских канцелярий свидетельствуют о том, что объект нашего внимания — служилые люди — часто упоминается в связи с разнообразными ситуациями. Одна из главных причин этого кроется в содержании их основной деятельности. Так, в их функции входило ведение судебно-следственного делопроизводства, руководство следствием, вынесение приговора, а также многое другое.

Все иные случаи, в результате которых имена служилых разных рангов попадали на страницы источников, носили экстраординарный характер. Одно из наиболее часто встречае-

¹⁰ См.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII в. М., 1955. С. 153–175.

¹¹ Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 59.

¹² См.: Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX века). М., 1949. С. 38.

¹³ См.: Там же. С. 78, 95; Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 118–120.

¹⁴ См.: Миненко Н. А. Посадский мир XVIII века: по материалам города Тюмени // Уральский город XVIII — начала XX в.: проблемы социальной истории: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 5.

¹⁵ Ефремов В. А. Тюмень восемнадцатого столетия. Материалы для истории оружейного производства: Документы. Тюмень, 2005. С. 38, 39.

¹⁶ См.: Громыко М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII века // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): сб. ст. памяти чл.-корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973. С. 350–363; Шашков А. Т. Тюменский иконник XVII века Федор Стрекаловский и его сыновья // Документ. Архив. История. Современность: материалы науч.-практ. конф., посвящ. тридцатилетию историко-архивной специальности в УрГУ. 20–22 апреля 2000 г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 56–60.

¹⁷ См.: Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (Период империи) // История права. СПб., 1999. С. 71; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 400, 401.

¹⁸ См.: Акишин М. О. Полицейское государство и общество, эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 74–110.

мых обстоятельств их упоминания — расследование злоупотреблений своим социальным положением. На Урале и в Сибири процессы, касающиеся должностных преступлений, были не редкостью, что можно связать с активной борьбой за «чистоту» чиновничьего класса главы Сибирского обербергамта генерал-майора В. де Геннина. По его инициативе были возбуждены судебные процессы против судебных комиссаров В. Томилова и Г. Черкасова, земских комиссаров Ф. Фефилова и А. Булгакова. Кроме того, в злоупотреблениях обвинялись и другие городские судьи и судебные комиссары, например И. Телепнев, П. Змеев, Д. Петров, В. Полстовалов, Я. Александров, М. Головков.¹⁹

Наряду с официально возбужденными судебными делами достаточно часто встречаются челобитные от населения с жалобами на местную администрацию. Например, началом 1720-х гг. датируются доношения вятского фискала Кикина и земского старосты одного из уездов Вятской провинции на судью И. Телепнева, который «учинил многие налоги» и «арестует многие дома». И. Телепнев также незаконно завладел тяглыми деревнями и санными покосами, присвоил себе «опальных» лошадей.²⁰ Июнем 1723 г. датируется несколько упоминаний о произволе судебного комиссара Тюмени А. Текутьева. Так, в Тюменскую воеводскую канцелярию поступил извет от солдата тобольского гарнизона И. Нифантьева на тюменского судебного комиссара А. Текутьева, который «нашел на него на улице з деншиками своими и велел деншикам ево бить», «и розбили у него нос и губы до крови и подбили глаза и отбили рукавицы перчатки цена пять алтын».²¹ В одном из дел Тюменской ратуши сохранился допрос жительницы города, где упоминается о возможности дачи А. Текутьеву взятки.²² Кроме того, в фонде Тюменской ратуши отложилось доношение тюменского посадского человека И. Понарыкина, который в мае 1724 г. также пострадал от произвола этого судебного комиссара. В документе содержатся следующие обвинения: «...мать мою Акси-

ню Родивонову взял силно к своему суду в канцелярию безвинно», «пытал и бил кнутом неведомо за что», «призвал меня в канцелярию и велел мне зделать чернилницу судейскую, а денег мне не дал», «держал под караулом и стегал батажьем, что чернилницы без денег не делал».²³

Подобные случаи не были чем-то из ряда вон выходящим. Служилые люди различных рангов, и даже судьи, неоднократно были участниками драк и прочих происшествий, никак не связанных с их службой. Например, 8 сентября 1724 г. в Сибирский обербергамт поступила челобитная от фискала Крупеникова, в которой он обвинял судебного комиссара Д. Карвацкого «в бою».²⁴ В «бое и в увечье» обвинял сибирский сын боярский Д. Ларионов тюменских пашенных крестьян в июне 1727 г.²⁵

Помимо тяжб, связанных с преступлениями против телесной неприкосновенности, в делопроизводстве упоминаются факты возбуждения дел на основании жалоб на оскорбление словом или действием. Служилый человек в таком случае мог быть и истцом, и ответчиком. Так в январе 1726 г. тюменский неверстанный сын боярский Г. Корнилов «сказал» на отставного солдата А. Чулакова, что тот называл его «вором и изменником». Свидетелем этого был казачий сын И. Козлов.²⁶

Иногда о таких «ссорах» доносили сторонние наблюдатели. Примечателен случай 31 марта 1726 г. В Тюменскую судебную канцелярию поступила «сказка» тюменского ямского охотника К. Ергакова следующего содержания. «Пошел он, Карп, из канцелярии судных дел мимо Спасские церкви на берег, и тюменской обыватель Матвей Головков говорил ему вслед, Карпу, что де скажи ты, Карп, судебному камисару Федору Фефилову плуту и жене ево воровке от меня челобитье, и бранил всякою матерною бранию неоднократно».²⁷ В данном случае мы видим конфликт двух служилых людей: бывшего судебного комиссара Краснослободского дистрикта М. Головкова (1723 г.) и судебного комиссара Тюменского дистрикта Ф. Фефилова (1724–1726 г.). Подобные ссоры, порой доходившие до рукоприкладства, были распространенным яв-

¹⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21600. Л. 520б.; Кн. 21624. Л. 278; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 8; Д. 52. Л. 321, 3210б.; Д. 72. Л. 47; Д. 216. Л. 181, 1810б.; ПСЗРИ-1. Т. 7. С. 741–743. № 5015.

²⁰ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21600. Л. 520б.; Кн. 21624. Л. 278.

²¹ Ефремов В. А. Указ. соч. С. 54.

²² ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²³ Там же. Д. 6. Л. 1.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 109.

²⁵ Там же. Д. 17. Л. 12.

²⁶ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 32. Л. 70б.

²⁷ Там же. Д. 16. Л. 17.

лением во всех слоях населения Российской империи в 1720-е гг.²⁸ и квалифицировались Соборным Уложением 1649 г. как «бесчестье».

Между служилыми людьми нередко были и имущественные конфликты. Следует выделить пять основных типов таких правонарушений и гражданских тяжб. В первую очередь, отметим споры, связанные с невыполнением различного рода обязательств. Особенно наглядно они представлены в документах Тюменской судебной канцелярии. Так, в июне 1723 г. будущий судебный комиссар Краснослободского дистрикта М. Стрекаловский подал доношение в канцелярию судебных дел о взыскании «поручных денег» с В. Шахова и Г. Хахалева, которые он заплатил по «заемной кабале».²⁹ Годом ранее, в марте 1722 г., Ф. Стрекаловский требовал в судебной канцелярии вернуть деньги с казачьих детей за «пищу работу».³⁰ В феврале 1726 г. тюменский сын боярский Ф. Маркелов подал прошение с целью разобраться со своим племянником Я. Маркеловым: неверстанный сын боярский взял у своего дяди лошадь, суму стоимостью 40 алтын и пять печатных плах «вкупль», но денег так и не отдал.³¹ Всего по Тюменскому дистрикту выявлено 5 таких дел.

Подобные происшествия фиксировались и в других дистриктах. В июне 1724 г. в Екатеринбургскую судебную канцелярию поступила челобитная от «верхотурского сына боярского Ефима Чернышова о доправке хлеба с крестьянина Исаака Мосеева».³² 22 октября 1726 г. в Каменской земской конторе принято доношение от церковного дьяка Ф. Грибанова, в котором голова Каменской таможни И. Маслов обвинялся в неуплате «заемных из пошлинных и вечных памятей денег».³³

Вторая группа тяжб касается определения хозяина недвижимости и ее защиты. Это трения из-за земли и «дворов». Так, например, в июле 1722 г. в Тюменскую судебную канцелярию поступила челобитная от полковника Д. Угрюмова об «оддаче ему пашенной земли»,³⁴ а в декабре 1725 г. в Тобольскую губернскую канцелярию М. Головков подал

челобитную с просьбой избавить его от постояльцев, так как «мать ево и дворовые люди скитаютца меж двор и не имеют себе покою, и от того безвременного постою оной дом ево пришел в раззорение».³⁵ В начале 1726 г. на основании челобитной казачьего сына М. Воронова было возбуждено судебное производство из-за спорных покосов.³⁶

Третья группа дел по имущественным правонарушениям связана с хищением чужой собственности. Служилые люди могли проходить по таким делам и как жертвы, и как активные участники преступлений. Например, в феврале 1726 г. зарегистрировано «словесное челобитье» на тюменского сына боярского И. Черкавского «в краже мяс».³⁷ В общей сложности было зафиксировано 9 подобных случаев.

Нередко служилые люди проходили в качестве ответчиков по делам о «бое и грабеже», (наносили пострадавшим ущерб и материальный, и телесный). В январе 1726 г. в Тюменскую судебную канцелярию поступил «словесный извет» отставного солдата А. Бабонегина на пристава этой же канцелярии П. Протопопова и боярского сына И. Глаткого, которые пришли в кабак и «неведомо для чего» «били насмерть», проломили голову «выше правого глаза», подбили левый глаз, до крови разбили нос. После этого, «хотев убить до смерти», правонарушители забрали 8 гривен и сермяжный зипун.³⁸

Наконец, пятая группа тяжб, связанных с имущественными вопросами, касается нанесения материального ущерба действиями (потрава полей скотом — 2 случая, порча саней — 1 дело).³⁹

Интересными представляются казусы, связанные с регулированием взаимоотношений между полами. Например, в Тюменской судебной канцелярии не были редкостью жалобы «пострадавших» женщин. 2 февраля 1726 г. была зафиксирована челобитная крестьянки М. Мальцевой, обвиняющей казачьего сына С. Лысманова «в прижитии во утробе младенца». Причиной обращения стало то, что С. Лысманов не сдержал обещания взять потерпевшую замуж.⁴⁰

²⁸ См.: Бородина Е. В. Судебная активность населения Урала в 1720-е гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1: Социально-политическая история. Екатеринбург, 2009. С. 88–106.

²⁹ Ефремов В. А. Указ. соч. С. 54, 55.

³⁰ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³¹ Там же. Д. 14. Л. 3.

³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 114. Л. 150б.

³³ Там же. Д. 101. Л. 730об.

³⁴ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

³⁵ Ефремов В. А. Указ. соч. С. 58, 59.

³⁶ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 13, 130б.

³⁷ Там же. Л. 250б.–260б.

³⁸ Там же. Л. 12, 120б.

³⁹ Там же. Д. 14. Л. 1, 10б., 4; Д. 16. Л. 35–36.

⁴⁰ Там же. Д. 16. Л. 280б.

Подводя итоги, следует отметить, что судебно-следственная документация содержит разнообразную информацию об участии служилых людей в гражданско-правовых конфликтах и уголовных правонарушениях. Помимо уже названных, можно также отметить, что служилые упоминаются в делах по «слову и делу государеву» (1 случай).⁴¹ Казус касался производства «воровских мелочных денег».

Кроме того, имена наших героев также встречаются в делах, связанных с дворовыми людьми. Это обстоятельство отличает служилых людей от других категорий населения. Причины упоминаний дворовых были различны. Это могло быть убийство (дело об убийстве крестьянина ближнего стольника и сибирского губернатора князя А. М. Черкасского).⁴² В ряде случаев дворовые люди представляли интересы своих патронов в суде. Так, уже упоминавшуюся челобитную о спорной земле «за рукою» полковника Д. Угрюмова в судебную канцелярию представил его человек И. Васильев.⁴³

Иногда дворовых обвиняли в воровстве.⁴⁴ Правда обкрадывали они обычно «случайных» людей. Упоминаний о хищении имущества своих работодателей не встречается. На Урале и в Западной Сибири конфликтов между работниками и их хозяевами было немного. Это отличает данный регион от Санкт-Петербурга, где, как отмечает О. Е. Кошелева, крепостные и наемные дворовые люди «составляли самую многочисленную категорию населения» и «каждый мало-мальски обеспеченный человек имел прислугу».⁴⁵ В Петербурге, где все стоило очень дорого, труд многочисленной домашней прислуги продавался за бесценок. Условия выживания толкали дворовых на любые формы воровства и мошенничества. Пожалуй, единственным проявлением конфликтной ситуации, зафиксированным нами для рассматриваемой территории, был побег.⁴⁶

Проанализировав массивы документов, отложившихся в результате деятельности Тюменской, Каменской, Уктусской, Екатеринбургской, Кунгурской, Вятской, Соликамской, Шадринской судебных канцелярий, мы вы-

явили 37 случаев судебных конфликтов и правонарушений с участием сибирских служилых. Из них 4 происшествия реконструируются по обвинениям в «бое и увечье» (11%), 2 челобитные дают информацию о «бесчестье» (5%), 1 — о «бое и грабеже» (3%). Все эти ситуации условно можно объединить в группу межличностных конфликтов, которая составляет 19% от всех рассмотренных дел. Еще 24% зарегистрированных правонарушений (9 случаев из 37) составляют обвинения в воровстве. Затем по степени распространенности следуют обязательственные споры — 19% (7 доношений). Все прочие конфликты встречаются значительно реже: дела о недвижимости — 11% (4 обращения в суд), нанесение материального ущерба и «блудное воровство» — по 5% (по 2 казуса), обвинения по «слову и делу» государеву — 3% (1),⁴⁷ дела с участием дворовых людей — 14% (5 правонарушений, из которых 1 — побег).

Сопоставляя судебную активность сибирских детей боярских с судебной активностью населения урало-сибирского региона в целом, можно заметить, что данная социальная категория по своим интересам не очень сильно отличалась от прочих социальных слоев. Как и большинство населения губернии, сибирских служилых заботила проблема межличностных интеракций и с людьми своего круга, и с представителями других социальных групп. Вторым наиболее волновавшим их вопросом было сохранение движимой и недвижимой собственности⁴⁸, а также взыскание денег по разнообразным долговым обязательствам. Данная тенденция прослеживается и по другим регионам Российской империи того времени.⁴⁹

В отличие от других социальных общностей, служилые люди менее всего участвовали в «блудном воровстве»: не оказалось зарегистрировано ни одного внутрисемейного конфликта с их участием. Это может свидетельствовать как о большей стабильности семейных отношений в этой среде, так и о корпоративной замкнутости рассматриваемого сообщества.

⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 39; Ефремов В. А. Указ. соч. С. 56, 57.

⁴² ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 15. Л. 1.

⁴⁴ См.: Ефремов В. А. Указ. соч. С. 44, 55, 56.

⁴⁵ Кошелева О. Е. Указ. соч. С. 322.

⁴⁶ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

⁴⁷ См. также: Миненко Н. А. В круговороте повседневности: к характеристике быта и нравов горожан в XVIII в. (по материалам г. Тюмени) // Уральский город XVIII — начала XX вв.: проблемы социальной истории: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 50.

⁴⁸ Только для сибирских детей боярских.

⁴⁹ См., например: Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 146.

В целом, упоминания служилых людей в судебно-следственных документах оказались очень неравномерно распределены по территории исследуемого региона. Наибольшее число дел было зарегистрировано в Тюменском дистрикте. Данная ситуация неслучайна. Именно здесь было сосредоточено наибольшее количество представителей военно-служилого люда. По подсчетам Н. А. Миненко, в начале XVIII в. две трети городских дворов принадлежали служилым и отставным от военной службы, а также их вдовам, женам и детям. Несмотря на то что количество служилых даже в этом городе постепенно сокращалось, их все равно было больше, чем где бы то ни было.⁵⁰ В остальных дистриктах преобладали крестьяне и посадские жители.

Таким образом, служилые Урала и Западной Сибири не только стали исполнителями государственных преобразований Петра Великого, но и довольно часто использовали новые судебные структуры в своих интересах,

не нарушая установленного порядка прохождения дел по судебным инстанциям. Нововведения, с одной стороны, соответствовали интересам власти, с другой — оказались выгодными провинциальным дворянам и детям боярским. Теперь все конфликтные ситуации могли разбираться на местах, для этого не требовалось ехать в Москву и обивать пороги Поместного, Разрядного и прочих многочисленных приказов, которые к тому же были уполномочены разбирать строго определенные вопросы. Упрощалась и сама система судопроизводства. Длившаяся в течение всего XVII столетия борьба за увеличение отсрочек прибытия к суду по причине службы⁵¹ в конце концов завершилась их фактической ликвидацией. Рассмотрение дела уездно-дистриктым, а затем губернским начальством частично разгрузило центральные ведомства, и без того отягощенные бесконечным бумагооборотом, характерным для учреждений первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: *служилые люди, судебная реформа Петра I, бюрократия, Урал, Сибирь*

NOBLEMEN OF THE URAL AND WESTERN SIBERIA IN JUDICIAL DISPUTES (1720-S)

The article deals with the study of judiciary activity of the Siberian *deti boyarskie* (petty noble cavalymen) in the first quarter of the 18th century. The transformation data are studied on the materials of the middle service class of the Ural and Siberia region in the context of the state governance reform in general and the judicial reform of 1717–1727. In the course of her research the author studied the documents from the archives accumulated as a result of the work of the court registries of the Ural and Siberia districts. Main attention was focused on the analysis of court cases initiated on the grounds of “domestic” conflicts. It was demonstrated that the petty noblemen became the actual administrators of the state reforms of Peter the Great and often used the new legal structures in their interests.

Elena V. Borodina

⁵⁰ См.: Миненко Н. А. Посадский мир XVIII века... С. 3.

⁵¹ См.: Лаптева Т. А. Указ. соч. С. 373–421.